

О.Д. СТОЛЯРОВ

Самарский государственный медицинский университет

ИНОЗЕМЦЫ В ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИВАНА VI

В статье дается характеристика группы иностранцев, входивших в правящую элиту Российской империи в царствование Ивана VI. Рассматриваются количественные и качественные изменения, произошедшие в России в данный период. Раскрываются причины снижения влияния иностранцев в высших сферах государственной власти и конкретные проявления этого процесса – назначения на высшие должности, пожалования чинов.

Ключевые слова: правящая элита, иностранцы, Иван VI, Бирон, Анна Леопольдовна, Кабинет министров, коллегии, генералитет, орден Андрея Первозванного

O.D. STOLYAROV

FOREIGNERS IN THE RULING ELITE OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE REIGN OF IVAN VI

The article deals with a group of foreigners who belonged to the ruling elite of the Russian Empire during the reign of Ivan VI, and quantitative and qualitative changes that have taken place there during this period. The author dwells upon the reasons of reducing the influence of foreigners in the higher spheres of the government and the specific manifestations of this process - the appointments for high posts and granting of ranks.

Key words: the ruling elite, foreigners, Ivan VI, Biron, Anna Leopoldovna, the Cabinet, the board, the general, the Order of St. Andrew

Периоду правления в России малолетнего Ивана Антоновича, продолжавшемуся с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г., в исторической литературе уделено не слишком много внимания, и причины этого вполне очевидны – краткость его царствования, отсутствие значительных политических событий, если не считать многочисленных схваток за власть

при дворе, а также некоторых второстепенных внешнеполитических акций, наконец, то обстоятельство, что в течение этого промежутка времени в правящей верхушке не появилось ни одного сколько-нибудь значительного в политическом плане лица, а первые роли играли государственные деятели предыдущего царствования.

Как правило, этот период оценива-

ется как эпилог царствования Анны Иоанновны и завершающий этап времени немецкого засилья, когда приближенные покойной императрицы сошлись, подобно паукам в банке, в своей последней битве за власть, расчистив тем самым дорогу Елизавете Петровне. Следует, однако, заметить, что эта борьба за политическое влияние лишь отчасти была спровоцирована смертью Анны Иоанновны, а фактически была прямым продолжением событий конца 1730-х гг. (большинство иностранных дипломатов отмечают, что в конце правления Анны атмосфера при дворе была довольно мрачной и напряженной, пронизанной страхом и грозящей новым взрывом^{1,2}).

Сами обстоятельства назначения Бирона на должность регента при малолетнем императоре свидетельствуют о том, что при российском дворе в этот период не было достаточно сбалансированной расстановки сил, а крупнейшие политические фигуры этого периода действовали в соответствии со сложившейся сиюминутной обстановкой, не имея каких-либо серьезных долгосрочных планов.

Согласно мнению большинства исследователей, главной причиной назначения Бирона регентом стало не расположение к нему умиравшей императрицы, которую с трудом удалось уговорить решиться на этот шаг, и тем более не его искусство в русских делах, о которой говорил Черкасский, а боязнь представителей верхушки перед неизвестно что

сулящими переменами^{3,4,5}. Альтернативой Бирону была, как известно, мать малолетнего наследника престола Анна Леопольдовна, которая, по ее признанию, «никогда не мешалась в государственные дела»⁶. Главное же затруднение заключалось в том, что племянница умирающей императрицы могла легко поддаться влиянию, во-первых, своего фаворита, бывшего саксонского посланника графа Карла Морица Линара, еще в 1736 г. отосланного по настоянию Анны Иоанновны в Дрезден⁷, а, во-вторых, своего отца, Макленбургского герцога Карла Леопольда, известного своей непредсказуемостью и вполне способного втянуть Россию в какую-нибудь военную авантюру⁸. Российские вельможи, в том числе и иноземцы, предпочли иметь дело не с этими людьми, а с человеком им хорошо известным, пусть и достаточно своевольным, что свидетельствовало об их нежелании продолжать опасную придворную борьбу, начатую в 1738 г.

Следует особо отметить тот факт, что среди вельмож, поддержавших идею назначить регентом Бирона, было довольно много русских. В частности, вслух этот выход из ситуации впервые был предложен А.М. Черкасским, а впоследствии в пользу Бирона высказались кабинет-министр

³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 3. М.: ПФ Красный пролетарий, 2003. – 669 [2] с.

⁴ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. – 570 с.

⁵ Павленко Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М.: Аст-пресс книга, 2002. – 384 с.

⁶ Миних Э. Замечания на записки Манштейна о России 1724-1744 гг. // Миних Э. Россия и русский двор в первой половине XVIII века. СПб., 1891. С. 121-222. – С.161.

⁷ Левин Л.И. Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих. СПб.: Петерб. писатель, 2000. 351 с. – С.211.

⁸ Сборник русского исторического общества. СПб. Т. 22. – С.142.

¹ Сборник русского исторического общества. СПб. Т. 91. – С. 214.

² Сборник русского исторического общества. СПб. Т. 92. – С.82.

А.М. Бестужев-Рюмин, начальник Тайной канцелярии А.И. Ушаков, президент Адмиралтейств-коллегии Н.Ф. Головин, обер-шталмейстер А.Б. Куракин, генерал-прокурор Сената Н.Ю. Трубецкой и многие другие⁹. Бестужев-Рюмин, бывший в последние дни аннинского царствования ставленником Бирона в Кабинете министров, проявил особое рвение, организовав челобитные императрице от имени большинства вельмож и даже «всей нации»¹⁰.

В то же время некоторые иностранцы, входившие в состав правящей верхушки, не выказали особого энтузиазма по поводу идеи назначения регентом Бирона. Так, А.И. Остерман считал, что «торопиться не надо, надобно подумать». Пост регента, согласно его предложению, должен был достаться Анне Леопольдовне, при которой должен был быть совет из нескольких персон, в том числе и Бирона. Реакция же обер-камергера на этот план была красноречивой: «Какой тут совет? Сколько голов, столько разных мнений будет!»¹¹. Однако позднее, когда стало очевидно, что кандидатуру Бирона поддерживают почти все влиятельные лица, Остерман (очевидно, решив, что продолжать упорствовать опасно), изменил свою точку зрения¹².

Таким образом, назначение Бирона регентом не было проектом именно высокопоставленных иностранцев, а явилось следствием всеобщей растерянности перед лицом надви-

гавшихся перемен и опасности появления на политическом горизонте новых и непредсказуемых фигур.

Существуют, однако, факты, внешне противоречащие этой картине, в частности, слова, якобы произнесенные во время этих событий К.Л. Менгденом: «Если герцог регентом не будет, то мы, немцы, все пропадем!»¹³. Однако такая категоричность вызывает сомнения: альтернативой Бирону было Брауншвейгское семейство, которое едва ли могло представлять угрозу для иностранцев. Менее чем месяц спустя, когда Анна Леопольдовна все-таки стала правительницей, никаких гонений на немцев, разумеется, не последовало. Наконец, ведущую роль в перевороте, повлекшем за собой падение Бирона, сыграл, как известно, немец Миних.

Судя по всему, и причины падения регента имели мало общего с протестом русских людей против немецкого засилья. Известно, что в течение двадцати двух дней своего правления Бирон вызывал недовольство в самых разных слоях общества¹⁴. Среди падения обер-камергера можно назвать следующие: во-первых, неприязнь к нему достаточно широких слоев населения, которую стоит объяснять скорее особенностями личности Бирона и его положения при Анне Иоанновне, чем иностранным происхождением и прошлым; во-вторых, отсутствие более или менее значительной группы сторонников, на которых новый правитель мог бы опереться; в-третьих, придворные конъюнктуры, сложившиеся к концу

⁹ Щебальский П.К. Дело о Курляндском герцоге Э.-И. Бироне // ЧОИДР. 1862. Т. 1. V. С.28-149. – С.68.

¹⁰ Корф М.А. Брауншвейгское семейство. М.: Прометей, 1993. – 416 с. – С.129.

¹¹ Щебальский П.К. Дело о Курляндском герцоге Э.-И. Бироне // ЧОИДР. 1862. Т. 1. V. С.28-149. – С.69.

¹² Миних Э. Записки // Безвременье и временщики. М.: ТЕРРА, 1996. С. 81-187. – С.148.

¹³ Миних Э. Замечания на записки Манштейна о России 1724-1744 гг. // Миних Э. Россия и русский двор в первой половине XVIII века. СПб., 1891. С. 121-222. – С.157.

¹⁴ Сборник русского исторического общества. СПб. Т. 92. – С.16.

третьей недели правления Бирона не в его пользу, прежде всего, то обстоятельство, что он был помехой на пути Брауншвейгского семейства, Миниха и отчасти Остермана. В частности, в отношении Антона Ульриха Брауншвейгского регент вел себя вызывающе грубо. Апогеем этого нескрываемого недоброжелательства стал указ об отстранении отца императора от руководства Брауншвейгским кирасирским и Семеновским полками, очевидно, с тем, чтобы лишить его возможной поддержки гвардии. Мало того, на короткий срок Антон Ульрих был взят под домашний арест¹⁵. Таким образом, о единстве среди высокопоставленных иностранцев в данный период речи идти не может. Почти в той же степени это относится и к периоду регентства Анны Леопольдовны, который был ознаменован борьбой за власть между Остерманом, Минихом и М.Г. Головкиным.

Многие авторы рассматривают эти процессы как причины краха «немецкой партии»^{16,17,18}. Разумеется, в значительной мере это соответствует действительности. В течение предыдущего царствования соперничество между стоявшими у власти иноземцами было более умеренным. Однако если исходить из того, что начало этим процессам было положено в конце 30-х гг. и они охватили всю верхушку российского общества, неизбежен вывод, что личностные особенности главных участников схват-

ки, о которой идет речь, сыграли второстепенную роль по сравнению с самой логикой развития ситуации в верхах российского общества.

Кадровые перестановки в высших сферах государственного управления в период царствования Ивана VI в силу понятных причин были в целом не слишком масштабными. Многие иностранцы (как и русские) сохранили свои прежние должности, не получив при этом новых, а именно: А.И. Остерман (вице-президент и глава Коллегии иностранных дел, кабинет-министр), Р.Г. Левенвольде (обер-гофмаршал), К. Принценстерн (глава Штатс-конторы), К. Бреверн (президент Академии Наук), И.Б. Фишер (директор Медицинской канцелярии и первый лейб-медик), Л.Г. Гессен-Гомбургский (директор Артиллерийской канцелярии), К.А. Шемберг (генерал-берг-директор), У.Ф. Левендаль (Ревельский генерал-губернатор) и К.Л. Менгден (президент Коммерц-коллегии). При этом некоторые из тех, кто получили новые должности, сохраняли и прежние. Так, П.П. Ласси остался Рижским генерал-губернатором, а Брауншвейгский принц – полковником Брауншвейгского кирасирского полка.

Некоторые должности перешли от одних иностранцев к другим. В частности, после отставки Б.Х. Миниха военную коллегия фактически возглавил отец императора, а директором Фортификационной конторы стал И.Л. Люберас; обер-камергером вместо Бирона стал фаворит правительницы саксонский посланник М.К. Линар; должность тайного секретаря правительницы (остававшаяся незамещенной со времени опалы

¹⁵ Миних Э. Записки // Безвременье и временщики. М.: ТЕРРА, 1996. С. 81-187. – С.136.

¹⁶ Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб.: Лениздат., 1994. – 496 с.

¹⁷ Курукин И.В. Анна Леопольдовна. М.: Молодая гвардия, 2012. – 303 [1] с.

¹⁸ Павленко Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М.: Аст-пресс книга, 2002. – 384 с.

И. Эйхлера) досталась бывшему учителю Анны Леопольдовны К.И. Геннигеру; Антон Ульрих по инициативе Бирона был снят с должности полковника Кирасирского Ее Величества лейб-гвардии полка, а вместо него был назначен П.П. Ласси. Наконец, после падения регента иностранцами была утрачена должность Московского генерал-губернатора, которую в конце правления Анны Иоанновны занял брат фаворита Карл Бирон. Таким образом, кадровые перестановки этого периода, касавшиеся иностранцев, проходили в основном в рамках того круга ключевых должностей, которыми иноземцы обладали к концу предшествовавшего царствования.

Из русских к концу регентства Анны Леопольдовны в состав правящей элиты входили пять руководителей коллегий, пять руководителей крупных центральных государственных учреждений, не имевших статуса коллегий, четыре губернатора, генерал-полицмейстер Ф.В. Наумов, два кабинет-министра, восемнадцать сенаторов, два высших придворных чина. Таким образом, накануне елизаветинского переворота иностранцы составляли 30 % правящей элиты (т.е. того круга лиц, которые занимали указанные высшие должности), на 6 % меньше, чем к моменту смерти Анны Иоанновны.

Количество иностранцев в правящей верхушке сильно сократилось после падения Бирона. В ссылку были отправлены сам обер-камергер, а также его братья – московский генерал-губернатор Карл Бирон и генерал-адъютант Густав Бирон. Тесно связанный с бывшим фаворитом Г.К. Кейзерлинг утратил значительную часть своего влияния. Таким обра-

зом, в результате очередного дворцового переворота правящую элиту покинули четыре человека. Этот процесс коснулся отнюдь не только иностранцев – в опалу попали также и многие русские, в частности, Бестужев-Рюмин¹⁹.

В противоположность этой ситуации отставка Миниха не повлекла за собой каких-либо серьезных изменений в составе правящей элиты. С численной точки зрения ее состав не изменился, так как на смену фельдмаршалу в эту группу пришел И.Л. Люберас, который еще при Петре I был вице-президентом Берг-коллегии и сыграл довольно значительную роль в проведении коллежской реформы²⁰.

Можно назвать две причины, по которым отстранение от власти Миниха не имело для правящей элиты и для ее иностранной части, в частности, столь глобальных последствий, как свержение Бирона. Во-первых, в период правления Анны Иоанновны Миних был гораздо менее влиятельной фигурой и, соответственно, имел гораздо меньше сторонников, которые были бы связаны с ним настолько, чтобы у Брауншвейгского семейства и Остермана возникла необходимость избавляться и от них. Во-вторых, репрессии в отношении сторонников Бирона были во многом инспирированы Минихом, который, как известно, отличался гораздо более решительным и жестоким характером, чем Остерман, который стал наиболее влиятельным правительственным лицом после падения само-

¹⁹ Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2002. – 425 [1] с. – С.67.

²⁰ Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1997. 331 с. – С.245.

го Миниха. В-третьих, осторожный вице-канцлер, по-видимому, опасался возможного недовольства после очередной репрессивной кампании. Наконец, в-четвертых, правящая верхушка в течение нескольких предшествовавших лет и без того значительно сократилась в численном плане, образовав своего рода вакуум, крайне опасный для Брауншвейгского семейства и Остермана.

В число тех, кого можно причислить к ближайшим сотрудникам Анны Леопольдовны, помимо Остермана и Миниха следует включить также М.Г. Головкина, сына покойного канцлера, видного дипломата, который после падения Бирона стал ближайшим советником новой правительницы и кабинет-министром по внутренним делам. После отставки Миниха стержнем придворной борьбы стало противостояние Остермана и Головкина, причем, Анна Леопольдовна в большей мере была склонна слушать последнего. Любопытно, что Головкин, по мнению Шетарди, в период правления Анны Иоанновны «ненавидел Бирона и Остермана»²¹, т.е. в какой-то мере, пусть и весьма условно, составлял оппозицию «немецкой партии», однако пришедшая к власти Елизавета Петровна, разумеется, предпочитала об этом не вспоминать, и в придворных проповедях времен ее царствования Головкин упоминается вскользь, как подручный Остермана и Миниха.

Наконец, еще одним из ближайших сотрудников новой правительницы стал очередной фаворит – саксонский посланник Мориц Карл Линар, который в 1741 г. получил

должность обер-камергера. Впрочем, его влияние не было особенно велико, и его попытки поставить российскую внешнюю политику на службу саксонским интересам пресекались Остерманом без особого труда^{22,23}. Линар вызывал явное неудовольствие как русских вельмож, так и российских сановников иностранного происхождения^{24,25}.

В период регентства Анны Леопольдовны состоялось пять пожалований орденом Андрея Первозванного, и среди награжденных иностранцем был один М.К. Линар²⁶. Накануне елизаветинского переворота из 15 находившихся на службе Андреевских кавалеров иноземцами были семеро (около 47 %), в то время как к концу правления Анны Иоанновны их было 10 из 14 (около 71 %). Таким образом, можно считать, что при Анне Леопольдовне был положен конец тенденции предыдущего правления жаловать высший орден преимущественно иностранцам. В меньшей степени это коснулось награждений орденом Александра Невского – из 18 человек, удостоенных этой награды в данный период, иностранцами были девять²⁷, т.е. половина, а в предшествовавшее царствование из 39 награжденных иноземцами были 20 человек (около

²² Манштейн К.Г. Записки о России. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 439 с. – С.213.

²³ Сборник русского исторического общества. СПб. Т. 92. – С.105.

²⁴ Миних Б.Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской Империи // Безвременье и времена. М.: ТЕРРА, 1996. С. 25-79. – С.68.

²⁵ Сборник русского исторического общества. СПб. Т. 46. – С.216.

²⁶ Бантыш-Каменский Н.Н. Списки кавалерам российских императорских орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского и Св. Анны с учреждения и до установления в 1797 году орденового титула. М.: Древнехранилище, 2005. – 225 [1] с. – С.76-78.

²⁷ Там же. С.126-129.

²¹ Сборник русского исторического общества. СПб. Т. 92. – С.101.

51 %). Камергерский чин в течение правления Ивана VI был пожалован троим, и среди них не было ни одного иностранца²⁸ (при Анне Иоанновне 9 из 22 человек, получивших этот чин, были иностранцами).

Говоря о приходе к власти Елизаветы и ее царствовании в связи с судьбами иностранцев в правящей элите, необходимо обратить особое внимание на тот факт, что в ноябре 1741 г. среди ее сторонников было немало иностранцев, часть из которых входила в правящую верхушку и примыкавшие к ней слои. Так, в разговоре с Шетарди Елизавета упомянула о том, что к ее сторонникам принадлежит Гессен-Гомбургский²⁹, однако есть сведения, что оказать прямую поддержку заговорщикам накануне переворота он отказался³⁰. Кроме того, судя по ее словам, она рассчитывала привлечь на свою сторону и Остермана³¹. Известна также роль целого ряда иностранцев в подготовке и проведении заговора, сделавшего Елизавету императрицей – Лестюка, учителя музыки цесаревны Х.Я. Шварца и купца Ю. Грюнштейн³². Известно также, что сторонником Елизаветы был уволенный в 1733 г. президент Академии Наук и лейб-медик Л.Л. Блументрост³³ и некоторые другие иностранцы. Кроме того, Елизавета Петровна, придя к власти, вернула из ссылки многих попавших в немилость

вельмож предыдущих царствований, в том числе и иностранцев – А.М. Девиера, Ф.М. Санти и Г. Фика, причем, первым двум вернули их прежние должности генерал-полицмейстера и обер-церемониймейстера.

Тотчас же после переворота началась пропагандистская кампания, основными составляющими которой стали два тезиса: во-первых, Елизавета представлялась как продолжательница великих дел своего отца, во-вторых, она избавляла страну от всевластия иностранцев³⁴.

Таким образом, существуют две причины, по которым уменьшились удельный вес и влияние иностранцев в правящей верхушке – с одной стороны, из этой группы были исключены те иностранцы, которые были противниками новой императрицы, с другой – столь часто повторяемые Елизаветой и ее окружением слова обязаны были повлечь за собой хоть какие-то действия в указанном направлении. Так, в 1741-1744 гг. вышел ряд указов, ограничивавших свободу вероисповедания^{35,36}, что шло вразрез с петровским манифестом 1702 г., который гарантировал иностранцам право исповедовать свою религию и отправлять соответствующие обряды, и всей практикой петровского времени вообще.

Уменьшилось число иностранцев в составе генералитета. В 1742 г., по данным С.В. Черникова³⁷, группа обладателей чинов с первого по чет-

²⁸ Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М.: Гос. публич. ист. б-ка России, 2001. – 237 с. – С.165.

²⁹ Сборник русского исторического общества. СПб. Т. 92. – С.348.

³⁰ Брикнер А.Г. Принц Гессен-Гомбургский в России // ИВ. 1893. № 4. – С. 169-176. – С.175.

³¹ Сборник русского исторического общества. СПб. Т. 92. – С. 215.

³² Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2002. – 425 [1] с. – С.94.

³³ Сборник русского исторического общества. СПб. Т. 46. – С.126.

³⁴ Попов Н.А. Придворные проповеди в царствование императрицы Елисаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности. Т. 2. М., 1859. С. 5-26. – С.9-10.

³⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 11. № 3673.

³⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 12. № 8867.

³⁷ Черников С.В. Генералы Елизаветы Петровны // Родина. 2009. № 2. – С. 93-96.

вертый класс военно-сухопутной службы насчитывала 82 человека, 35 из которых (около 43 %) были иноземцами, а уже к 1744 г. их число сократилось до 27 из 74 (около 36 %) ³⁸. В 1748 г. в действующей армии служили 47 генералов, 18 из которых (около 38 %) были иностранцами ³⁹. Только в течение 1742 г. российскую службу покинули трое генерал-майоров, находившихся прежде под покровительством Миниха ⁴⁰.

Еще в большей мере сложившаяся ситуация сказалась на пожалованиях высших орденов империи – Андрея Первозванного и Александра Невского. Уже к концу 1741 г. из четырнадцати обладателей Андреевской ленты лишь двое были иноземцами (Ласси и Гессен-Гомбургский) ⁴¹, т.е. около 14 %, на 29 % меньше, чем к концу регентства Анны Леопольдовны. Что касается ордена Александра Невского, то из 14 человек, удостоившихся этой награды в течение первого года правления Елизаветы Петровны (с ноября 1741 г. по ноябрь 1742 г.), иностранцами были трое (около 21 %) ⁴², т.е. на 26 % меньше, чем при Анне Леопольдовне.

Быть может, еще более важным следствием этой пропагандистской кампании стало соответствующим образом сформированное общественное мнение по этому вопросу – не стоит забывать, что правление

Елизаветы продлилось дольше, чем четыре предшествовавших царствования вместе взяты. Известны, в частности, случаи выступлений солдат против офицеров иностранного происхождения, основанием для которых служили слухи, будто «указ есть, чтоб всех иноземцев перебить» ⁴³, и тому подобные эксцессы.

Опираясь на все вышеизложенное, можно сделать ряд выводов относительно иностранцев, входивших в состав правящей элиты в период царствования Ивана VI.

Во-первых, придворная борьба, выходящая за рамки обычных дворцовых конъюнктур, которая началась в последние годы царствования Анны Иоанновны, после ее смерти приобрела особенно острый характер, что сказалось на составе правящей элиты, включая иностранцев. В соответствии с этим наблюдалось уменьшение их численности и то обстоятельство, что на смену более или менее крупным фигурам предыдущего царствования пришли люди, гораздо менее приспособленные для выполнения тех функций, которые были на них возложены. Таким образом, наблюдается ослабление влияния иностранцев в правящей верхушке Российской империи. При этом они еще в меньшей степени, чем в предыдущее царствование, представляли собой сплоченную политическую группу.

Во-вторых, несмотря на то обстоятельство, что иноземцы по-прежнему удерживали ключевые позиции в управлении страной, в период регентства Анны Леопольдовны наметилась

³⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 489. Д. 7367.

³⁹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 489. Д. 7386.

⁴⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 20. Д. 50. Ч. 1. Л.30-30 об.

⁴¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Списки кавалерам российских императорских орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского и Св. Анны с учреждения и до установления в 1797 году орденовского капитула. М.: Древнехранилище, 2005. – 225 [1] с. – С.72-78.

⁴² Там же. С.129-131.

⁴³ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. – 570 с. – С.345.

и другая тенденция. В состав правящей элиты было включено довольно много русских, преимущественно им же теперь стали выдаваться высшие ордена империи, наконец, одной из влиятельнейших фигур стал М.Г. Голловкин, соперничавший с Остерма-

ном и другими иностранцами. Исходя из этого, следует считать, что период регентства Анны Леопольдовны был не только эпилогом аннинской эпохи, но в той же степени и прологом елизаветинского царствования.